

УДК 94(47)+94(516)

ББК 63.3(2)51+63.3(5Мон)4

**Государственная граница Российской империи
в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в.***

Д.С. Бобров, Т.Н. Соболева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The State Border in the Upper Ob-Irtysh Area of the Russian
Empire in the First Half of the XVIII Century**

D.S. Bobrov, T.N. Soboleva

Altai State University (Barnaul, Russia)

В публикации феномен государственной границы России XVIII в. в Верхнем Обь-Иртыше раскрывается через призму анализа двух ключевых парадигм восприятия (политико-географических образов) границы: картографической и официально-дипломатической. Возникновение существенных отличий в восприятии границы между центральными, региональными и местными властями, а также дипломатическими агентами и геодезистами рассматривается в качестве следствия отсутствия между Российской империей и Джунгарским ханством процедур делимитации и демаркации государственных рубежей. Доказано, что в административной среде Российской империи вызревали идеи «стратегической границы» и «искусственности» государственных рубежей. Авторы пришли к выводу, что нерешенность территориального спора создавала уникальную ситуацию «открытой» границы, которая целенаправленно использовалась российскими властями в качестве обоснования дальнейшей экспансии России в Среднюю Азию.

Ключевые слова: государственная граница, Российская империя, Джунгарское ханство, азиатская граница, condominium.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-04

Ключевым условием функционирования и анализа любой социальной системы является определение ее границ [1, с. 59–60], а сама граница принадлежит к числу фундаментальных и универсальных явлений общественной жизни [2, с. 12]. Для государственно-правовых систем особую значимость приобретает граница между странами. В лимнологии в общем виде под государственной границей понимается линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной

The state border phenomenon in the Upper Ob-Irtysh area in the XVIII century is analyzed through the two key paradigms of perception (political and geographical images): cartographical and officially diplomatic. Essential differences among central, regional and local authorities, as well as diplomatic agents, land surveyors and travelers are considered as a consequence of the lack of state border's delimitation and demarcation procedures between the Russian Empire and the Jungar Khanate. The authorities developed the idea of the "strategical border" and artificiality of state borders. The authors conclude that the territorial dispute created a unique situation of an "open" border, which was used by Russian authorities as a reason for further expansion I to Central Asia.

Key words: state border, Russian Empire, Jungar Khanate, Asian border model, condominium.

территории [3, с. 88]. Акцентуация внимания на комбинации физико-географических параметров пространства при определении дефиниции изначально сужает предметную область исследования [2, с. 12], поскольку в процессе установления границы (лимогенезе) значительную роль играет административное начало, выраженное понятием «власть» [4, с. 5]. Феномен государственной границы находится на стыке собственно географического пространства и «географии власти» [5, с. 345–347], или пространства вла-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005a(p).

сти (географического и социального пространства, организованного и стратифицированного определенной совокупностью властных технологий [6, с. 7]).

В классификации российских границ ряд исследователей выделяют особый тип государственных рубежей — азиатскую границу [4, с. 18–19; 7, с. 23; 8, с. 156–158]. Формально эта категория может быть определена как южные рубежи России в Средней и Центральной Азии. При более глубоком анализе под азиатской границей следует понимать большую барьерно-буферную зону, полосу между различными государствами или полугосударственными образованиями [8, с. 157–160]. Для XVIII в. участком азиатской границы и ключевым для имперского освоения районом являлось Верхнее Обь-Иртыше. Российская экспансия в регион началась в первой половине XVIII в. и в своем содержании заключала ряд военных экспедиций с целью строительства острогов и крепостей в стратегически значимых местах [9, с. 102–104; 10, с. 1, 13].

В специальной литературе проблема генезиса государственной границы России в Верхнем Обь-Иртыше долгое время оставалась на второстепенных позициях в тени различных аспектов внутренней и внешней политики. В советской историографии вопросы лимогенеза затрагивались А.П. Уманским [11, с. 136–186], И.Я. Златкиным [12, с. 226–239] и Ю.С. Булыгиным [13, с. 5–19]. На рубеже тысячелетий появились во многом знаковые для проблематики имперского приграничья в Азии монография В.А. Моисеева «Россия и Джунгарское ханство в XVIII в.» [14] и публикации О.В. Боронина, касавшиеся сюжетов разграничения спорных территорий [15, с. 144–160; 16, с. 25–33]. Отдельные замечания о границе России содержатся в работах С.Р. Муратовой [17, с. 15–17], А.Ю. Огурцова [10, с. 12–13] и Е.В. Старковой [18, с. 98–113]. Наконец, в последние годы были изданы труды В.Б. Бородаева и А.В. Контева [19, с. 53, 56–57, 60–63; 20, с. 99–109; 21, с. 99–111; 22, с. 29–33] и отдельные статьи И.Р. Соколовского [23, с. 18–23], Д.С. Боброва [24, с. 89–91; 25, с. 114–122; 26, с. 101–116], посвященные специфике отображения российской границы на картах региона. Таким образом, в сибиреведческой литературе проблема российской государственной границы в Верхнем Обь-Иртыше еще не рассматривалась ни в контексте своей генетической природы, ни в качестве фактора детерминации имперской политики в регионе.

Между тем получение целостных представлений о лимогенезе возможно лишь в случае комплексного, многофакторного анализа этого процесса. В лимологии выделяется три стадии установления границы: размещение, делимитация и демаркация. Размещение — изначальный политический раздел территории между двумя государствами. За ним следует делимитация, т. е. составление подробного описания прохождения

линии границы и нанесение соответствующих контуров на карту. Завершение институционализации государственной границы связано с процессом демаркации — обозначением прохождения линии границы на местности при помощи сооружения специальных разделительных знаков [3, с. 23–24, 89].

В первой половине XVIII в. на юге Западной Сибири делимитированной и уж тем более демаркированной границы России не существовало. Имперские власти долгое время сознательно уклонялись от публичного признания этого факта. Только в 1732 г. российский дипломатический посланник Л.Д. Угримов был вынужден констатировать отсутствие установленной границы между Россией и Джунгарией, ссылаясь на историческую принадлежность всего Верхнего Обь-Иртышья к России и уже в силу этого «не для чего было оным землям быть граничным» [27, л. 30об., 32об.]. А в 1735 г. представители имперской дипломатической элиты в ходе переговоров с джунгарским внешнеполитическим агентом Зундуй-Замсо лишь косвенно признали наличие проблем в установлении границы между двумя государствами [28, л. 49]. Такая политика шла вразрез с ситуацией на российско-китайской границе, где после Нерчинского и Кяхтинского (Буринского) международных договоров большинство спорных участков было демаркировано, и фактически снята военная напряженность [29, с. 63–100].

Незавершенность процедуры делимитации, слабый уровень информированности российских властей о состоянии приграничной зоны [22, с. 31] в сочетании с игнорированием вопроса государственных рубежей в русско-джунгарских дипломатических контактах привели к возникновению нескольких политико-географических образов границы как совокупностей ярких характерных символов и ключевых представлений, описывающих реальные географические пространства [30, с. 93]. Всего применительно к первой половине XVIII в. следует выделить три соответствующих образа, или парадигмы восприятия границы. Прежде всего это официально-дипломатическое понимание, сводившееся к обоснованию суверенных прав России на всю территорию Верхнего Обь-Иртышья вплоть до озера Зайсан. Другой формат восприятия государственных рубежей связан с фактическим пределом административной юрисдикции имперских властных учреждений в регионе (крепости Иртышской линии и Бикатунская крепость с прилегавшими к ним пространствами). Третья, картографическая, парадигма границы реализовывалась в создании специфической картографической проекции приграничного пространства, содержание которой могло не соотноситься с другими двумя аспектами [24, с. 90]

Между тем картографические материалы на начальных этапах освоения окраин в ситуации огромного территориального разрыва центра с перифе-

рийными областями не только приобретали роль инструмента синтеза локально-географических микробразов в систематизированные макроконструкции [31, с. 12–13], но и фактически подменяли собой реальные географические пространства, формируя специфическую, идеалистическую программу восприятия. В первой четверти XVIII в. после серии решений Петра I об активизации работ по составлению региональных чертежей [32, № 3682, 3695, 3939] карты и вовсе приобрели характер самостоятельного механизма визуальной фиксации, формализации государственной границы.

Начальный период проникновения Российского государства в Верхнее Обь-Иртышье нашел отражение на немногочисленных чертежах региона. Особняком здесь выступают материалы С.У. Ремезова. Не вдаваясь в подробности источниковедческой дискуссии относительно хронологии и авторства хорографических произведений [33, с. 45–68; 34, с. 82–110], подчеркнем, что в условиях острого дефицита у общественной элиты страны сведений о Сибири, в том числе и наглядно-графического характера, ремезовские чертежи становились ключевым и, по сути, единственным источником визуальной информации о протекавшем освоении. На страницах ремезовских атласов отсутствовала контурно-графическая фиксация линии государственной границы России. В конце XVII в. сложилась, а в первой четверти XVIII в. активно использовалась практика обозначения отдельных элементов государственных рубежей не контурно-графически, а литерно (лингватически) и образно-графически.

На ремезовских чертежах отражено примитивное размещение границы между территорией России и владениями телеутов. Рубеж устанавливался по реке Бердь, о чем свидетельствуют практически тождественные отметки в «Чертежной» и «Хорографической» книгах: «От Томска томя рекою наниз и рекою обью вверх до рубежа Телеуцкой земли дореки берди х[одом] 3 дня» (цит. по «Хорографической книге», в «Чертежной книге» после указания на Томск следует «рекою томью». — *Д.Б., Т.С.*) [35, л. 168; 36, л. 26]. Причем, как убедительно показал А.П. Уманский, это был вполне реальный рубеж, сознательно перенесенный российскими властями в конце XVII в. с р. Ини для улучшения освоенческой конъюнктуры [11, с. 143–144]. На отдельном оригинальном чертеже С.У. Ремезова 1696 г., посвященном российско-китайской приграничной зоне, содержалась сопроводительная запись: «Горбца с китайцы граница» [29, с. 76–77].

Яркой отличительной чертой ремезовских атласов стало сочетание рациональных и идеалистических способов обозначения границ. Если литерные отметки имели под собой рациональные основания, то графические символы являлись продуктом абстрактного, идеалистического восприятия изографа-

ми государственных рубежей. В «Чертежной» и «Хорографической» книгах в Верхнем Приобье показаны многочисленных «ясашные волости», которые автором материалов относились к владениям России и позиционировались как окраина своеобразного «Кузнецкого района» [35, л. 129; 36, л. 26]. Конечным пределом распространения таких волостей служила крупная образно-графическая преграда — горы Саяно-Алтая, изображавшиеся на чертежах отдельной непрерывной линией без какой-либо дифференциации [36, л. 42]. Для рубежа XVII–XVIII столетий такая практика вполне соответствовала общей картографической традиции визуализации горного рельефа в виде группы холмов с перемежавшимися вкраплениями долин рек каньонообразного вида. Учет этого обстоятельства ставит под сомнение любые попытки отождествления таких «гор» с конкретными формами рельефа на местности [29, с. 93]. Между верховьями Оби и лентой абстрактных холмов на ремезовских чертежах появляется небольшая полоса пустого, незаселенного русскими пространства, своеобразная полоса фронта [37, с. 16], которая, очевидно, рассматривалась в качестве визуальной основы дальнейшего имперского проникновения на юг. Суммарно вышеобозначенные факторы стали причиной генезиса в сознании общественной и административной элиты ризоматических представлений о границе (установок и ценностей, в онтологическом смысле не заключавших в себе полярного деления «начало — конец» или «центр — периферия»), которые, в свою очередь, создавали образ потенциально безграничного пространства [31, с. 13–14], своеобразной «безграничной границы».

В дальнейшем в вопросе отражения на картах государственных рубежей вплоть до второй трети XVIII в. взяла верх рациональная составляющая. В картографических материалах кристаллизовались две симбиотические тенденции восприятия российской границы: как крайней точки телеуцких кочевий или джунгарских владений в Верхнем Обь-Иртышье (с использованием соответствующих способов литерной фиксации), а также соотношения пределов российской территории с острогами и крепостями региона.

На одном из поздних рукописных чертежей С.У. Ремезова (приблизительно 1717–1718 гг.) западнее оз. Зайсан содержалась надпись «урга владельца калмыцкого контаиши» [38]. Дополнялась условная линия границы отметками о только что сооруженных в Верхнем Прииртышье Ямышевской и Железинской крепостях, а вот в Верхнем Приобье русские укрепления показаны не были. Это упущение частично было исправлено на карте сибирского губернатора М.П. Гагарина 1718 г., где район верховий Иртыша изображен практически идентично ремезовскому чертежу, а в стрелке Бии и Катуня показан острог «катун», сопровождавшийся специальным знаком

«Н» (новопостроенный) [39]. По мере роста числа русских инженерных объектов в Прииртышье возрастала и их значимость для визуализации границы на картах. На «хартине» П. Чичагова, составленной по результатам экспедиции И.М. Лихарева, отражено уже семь русских крепостей (от Омской вверх по течению до Усть-Каменогорской). Использовались и литерные отметки. Юго-западнее оз. Зайсан, за «кочевьем калмытским» содержалась любопытная надпись «контайша», а за несколькими ключевыми алтайскими вершинами располагались владения контайши [40]. На карте, составленной в ходе посольства И. Унковского, вся область южнее оз. Зайсан отмечена как «контайшино владение» [41].

Более информативны в плане использования литерных отметок для обозначения границы России в Верхнем Обь-Иртышье карты П. Чичагова 1729 г. [42] и Я. Филисова 1733 г. [43]. В этих документах южнее только что построенного А. Демидовым Колывано-Воскресенского завода фигурировала надпись: «от заводу Воскресенскаго до жилия контайшиных калмыков которые живут по Чарышу и Караколе рекам в вершинах езды чрез хребты два дни» [43]. Кроме того, при составлении этих ландкарт геодезисты пошли дальше своих предшественников и отразили своеобразный «очаг» — между низовьями Чарыша и Кагуни зафиксированы сразу два «жилия калмыцкаго», которые фактически и составляли бесспорную часть владений джунгарского хана в Верхнем Приобье.

Таким образом, вплоть до середины 30-х гг. XVIII в. на российских картах южных районов Западной Сибири отсутствовала линия границы Российской империи, четко просматривалась тенденция к литерной и образно-графической фиксации рубежей государства. Именно отсутствие четко установленных границ, их размывание становилось идейно-теоретическим плацдармом для дальнейшего продвижения России в южном направлении. Однако имперская экспансионистская концепция на юге Западной Сибири рубежа 20–30-х гг. XVIII в. осталась практически не реализованной (во многом в силу постоянной угрозы со стороны джунгар). С этого момента правящая элита обозначила стремление к осознанию суверенных границ в регионе и их легитимации.

Первый шаг в этом отношении — публикация Атласа из собрания карт И.К. Кирилова, точнее, Генеральной карты Российской империи 1734 г. До сих пор неизвестны другие, более ранние русские чертежи, на которых была бы отмечена линия государственных рубежей России. В связи с этим уместно говорить о том, что Генеральная карта из Атласа И.К. Кирилова [44] — первый русский чертеж, на котором обозначена линия государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири. В Верхнем Приобье контур проходил по южной оконечности Телецкого

озера, затем, неплотную огибая его юго-западные пределы, поднимался севернее и пересекал Катунь в низовьях, в районе впадения ее притока — Семь. Далее он шел относительно ровной линией на запад, затем через верховья Чарыша уходил на юго-запад, причем не по Ине и, не прижимаясь к руслу Иртыша, а по свободному контуру. Линия рубежей России проходила поперек русла Иртыша в районе Усть-Каменогорской крепости (обозначенной на карте соответствующим маркером, но не подписанной) и далее — перпендикулярной течению реки линией на запад, формально включая даже левобережье Иртыша [24, с. 91].

Зафиксированная подобным образом граница во многом являлась условной, искусственно сконструированной создателями Атласа. Однако формализация государственных рубежей с помощью картографических материалов создала наглядно-графические предпосылки реализации важных военно-стратегических задач [45, с. 452]. Соответствующие очертания условно проведенной линии границы отражали стремление имперских властей продвинуться вглубь Прииртышья и достичь оз. Зайсан.

Заложенный на Генеральной карте Атласа И.К. Кирилова подход стал основой для дальнейшей картографической фиксации государственной границы России на юге Западной Сибири. На региональной карте геодезистов В. Шишкова и П. Сомова 1736 г. [46] разделительная черта между Россией и Джунгарией почти полностью копировала соответствующие очертания Генеральной карты 1734 г.: с Телецкого озера — на запад вплоть до Иртыша, сохраняя тем самым «входящий угол». Однако дальше граница «уходила» по Иртышу и крепостям Иртышской оборонительной линии на север, что соответствовало удобным естественным рубежам в этом конкретном участке [26, с. 103].

В Атласе Российской империи 1745 г. [47] граница России и Джунгарии в общих чертах была выдержана в рамках маркированной линии карт 1734 и 1736 гг. [47, л. 17]. В районе Прииртышья государственные рубежи России продвинулись вглубь на юг и запад, что позволило достичь фактически прямой линии границы в районе к западу от верховий Иртыша.

Генезис официально-дипломатической парадигмы восприятия государственной границы связан с идеей «стратегической границы». Сущность концепта «стратегической границы» в кратком, справочном виде может быть представлена следующим постулатом: государственный рубеж должен проходить по значительным горным хребтам или другим крупным географическим объектам региона. Достижение стратегических границ на нестабильных в военно-оборонительном плане участках являлось первоочередной задачей любого крупного государства [45, с. 451].

В качестве центрального, «стратегического» объекта для установления предполагаемой грани-

цы в Верхнем Обь-Иртыше российскими властями было избрано озеро Зайсан, а целью имперской политики в течение первой четверти XVIII в. являлось достижение контроля над соответствующей локальной областью. Сформулированная таким образом задача изначально была крайне нереалистичной, но осознавалось это лишь непосредственными руководителями русских экспедиций в Верхнее Прииртышье. В частности, И.Д. Бухгольц не только понимал, что построенная им Ямышевская крепость исторически находилась в пределах Джунгарии, но после окончания следствия над собой сухо констатировал: «до озера Зайсан ... дойти невозможно» [14, с. 32]. Кроме того, выбор узловой точки для установления границы не был подкреплён должной информационной базой и являлся скорее амбициозным и даже фантастическим замыслом, нежели рационально-структурированным проектом. В 1719 г. М.П. Гагарин, касаясь военно-стратегического аспекта проникновения России в Верхнее Прииртышье, отмечал отсутствие у властей сколько-нибудь удовлетворительных знаний о бассейне Иртыша выше Ямышевской крепости: «подлинного известия при мне в Тоболеск не было, в сколько дней можно большими судами, також и малыми дойти от Ямышева до Зайсана» [48, с. 139–140]. Поэтому, несмотря на исключительную значимость экспедиции в верховья Иртыша наподобие плавания капитана А. Урезова к оз. Зайсан 1719 г. [49, л. 621–625об.], такие события оставались единичными акциями и в корне не могли изменить общей ситуации. При этом недостаток сведений должного уровня не мешал региональным властям разрабатывать утопические программы освоения приграничного района. Тот же М.П. Гагарин вынашивал планы создания крупных поселенческих узлов вокруг Ямышевской крепости и даже озера Зайсан: «также хотел на Зайсане, или в близости от того озера, в удобном месте сделать великой же город, и населить великим людством» [48, с. 143].

Вместе с тем установление фактического контроля над истоками Иртыша волновало российские власти гораздо больше, чем легитимация этого процесса в глазах джунгарской стороны. В имперской дипломатической политике проблема государственной границы в Верхнем Обь-Иртыше занимала откровенно периферийные позиции. На протяжении всей первой половины XVIII в. вопрос о государственных рубежах в ходе официальных переговоров целенаправленно маскировался сюжетами обмена пленными, компенсацией материальных потерь и принадлежности двоюродцев [14, с. 17–18, 45–46, 79–81; 50, с. 77–81, 87–100, 106–107]. 19 июля 1735 г. в ходе итоговой конференции в Коллегии иностранных дел ойратскому посланнику и вовсе был заявлен прямой категорический отказ обсуждать проблему делимитации границ [28, л. 49–51]. Катализатором столь уклончи-

вой позиции выступала совокупность двух факторов. Прежде всего имперская элита делала ставку на достижение мирной договоренности с джунгарским правителем и постепенное принятие им российского протектората [48, с. 141–142; 14, с. 45–47; 50, с. 87–100]. В случае успеха такого курса вопрос государственной границы автоматически терял бы свою принципиальность и остроту. В свою очередь, преждевременное обострение приграничного спора грозило бы срывом соответствующих планов и могло поставить Россию и Джунгарию на грань военного конфликта.

Официальная позиция Санкт-Петербурга выстраивалась вокруг доктрины исторической принадлежности Верхнего Прииртышья к России, хотя до строительства крепостей на Иртыше русских поселений в этом районе не было. Таким образом, российская имперская элита стремилась установить в Верхнем Обь-Иртыше антецедентную границу [3, с. 17], т. е. рубеж, предшествовавший заселению прилегающих к нему районов. Система аргументации базировалась на двух ключевых утверждениях. Прежде всего констатирулось на историческое существование русских промыслов в верхнем течении Иртыша [27, л. 32об. — 33], и в частности, на активную эксплуатацию соли в районе оз. Ямыш. Кроме того, привлекались теоретические умозаключения в русле концепции «захватного права», в соответствии с которыми Иртыш вплоть до оз. Зайсан считался российской территорией как одна из «сибирских рек» [51, с. 21], точнее, как приток реки (Оби), впадающей в «Северное море» [48, с. 67].

Джунгарская сторона не признавала претензий российских властей на Верхнее Обь-Иртышье. Дипломатическая элита государства в первой половине XVIII в. испытывала на себе осязаемое влияние принципов международного права образца раннего Нового времени и все больше осознавала важность государственной территории [16, с. 26–27] как неперемennого условия существования государственности [3, с. 11]. Обь-Иртышское междуречье позиционировалось хунтайджи как исторически джунгарская территория, и в первом десятилетии XVIII в. ойратский правитель всерьез рассматривал возможность «промеж рек Иртыша и Оби со всеми своими улусными людьми кочевать» [52, л. 20–20об.]. В 1720 г. он и вовсе отправил около трех тысяч своих подданных кочевать по всей ширине бассейна реки Убы без каких бы то ни было ограничений [48, с. 434–435], не замечая (или вовсе не зная о существовании) построенной в этом же году Усть-Каменогорской крепости [53, с. 29–42].

Однако аргументация пространственных притязаний джунгарских правителей в Верхнем Обь-Иртышье имела еще меньше рациональных оснований, нежели российская доктрина и во многом «придумывалась» на протяжении нескольких десятилетий, оставаясь по своей сути идеалистической, без формально вери-

фицируемых доказательств [27, л. 15–15об.]. Весной 1714 г. Цэван-Рабдан заявил об уничтожении первого Бикатунского острога в рамках защиты суверенитета [14, с. 18; 27, л. 42]. Краеугольным камнем позиции контайши и его дипломатических агентов стало указание на проведение еще в XVII в. примитивной процедуры делимитации границ с Россией. Примечательно, что в ходе немногочисленных джунгарских посольств в российскую столицу во второй половине XVII в. нет упоминаний о каком-либо договоре, устанавливавшем границу [54, л. 1–2]. Однако уже во втором десятилетии XVIII в. И.Д. Чередову в ходе одной из его миссий Цэван-Рабдан сообщил о своем историческом суверенитете над землями вплоть до Черной Оми [55, с. XXI–XXXII]. Более подробно, соответствующим контуром графически, а также литерно территориальные притязания джунгар отражены на карте, составленной в ходе миссии И. Унковского [41]. Постепенно вопрос границы становился центральным для джунгарской элиты. В 1732 г. Л.Д. Угримову джунгарский правитель доказывал уже не только проведение границы по Черной Оми, но и установление специальной отметки в виде высеченной на массивном дереве фигуры воина в полной амуниции [27, л. 32–32об.; 21, с. 101]. В 1742 г. джунгарский хан Галдан-Цэрэн пошел еще дальше и в письме к российской императрице рассуждал уже не просто о демаркации границы, а об установлении некоего фиксированного режима ее функционирования за счет постановки караулов (еще в XVII в.): «по устью реки Черной Оми постановили границу и учинили во знак той границы засеку ... и при той границе с нашей (джунгарской. — Д.Б., Т.С.) стороны поставлено было несколько наших людей под командованием Коукенбатырева деда Хула-Хошоучия» [56, л. 160–160об.]. Несмотря на то, что засека или иной искусственный рубеж не являлась индикатором завершения лимогенеза, возникновение подобных «отметок» являлось важным признаком осуществления делимитации [3, с. 10; 29, с. 93–94].

Признание границы по контуру, предложенному джунгарской стороной, ставило российские власти различных уровней в откровенно неловкое положение. Между тем в листе джунгарского хана 1724 г. содержалось любопытное замечание о том, что в ходе переговоров И.Д. Чередов признал факт делимитации границы по Оми: «и на то де сказал Чередов то де правда», аргументируя нарушение границ необходимостью сдерживания Китая [55, с. XXXI]. Акцентуация джунгарской элиты на вопросе территориального разграничения серьезно заботила имперских чиновников различного уровня. Геодезист Я. Филисов в доношении в Коллегию иностранных дел 1734 г. откровенно опасался расширения сферы территориальных притязаний джунгар: «А еще надобно думать, что чрез недолгое время Зюнгоры далее к востоку объявят,

аки бы границы некие знаки приискав или реки» [55, с. 237]. А спустя несколько лет даже сибирский губернатор А.М. Сухарев подчеркивал потенциальную опасность джунгарских территориальных притязаний: «затейные его (хунтайджи. — Д.Б., Т.С.) претензии при случаях всегда продолжаются, чтоб по Омскую крепость ему отдать, и тако де Кузнецкой, Томской, Красноярской Ямышевский и Бикатунский уезды в той же претензии заключает» [57, л. 65]

Петр I ни при каких условиях не желал отказываться от экспансии в Верхнее Прииртышье, поэтому российский правитель был готов пойти на определенный компромисс и предложил джунгарскому правителю неоднозначную идею condominiuma [3, с. 11], т. е. совместного суверенитета Российской империи и Джунгарии над бассейном Верхнего Иртыша: «позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь, хотя оные к сибирскому нашему царству принадлежат, ежели вы будете пребывать смирно» [27, л. 17–17об.; 58, л. 12]. У сибирского губернатора существовало даже более широкое видение функционального назначения condominiuma — не только как инструмента снижения остроты территориального спора, но и как средства склонения ойратов к принятию подданства: «А знак к тому миру и с Калмыками был ... а контайшу ни людей его воевать не будем, и кочевал бы он контайша на тех местах по прежнему ... и тому тот посланец калмыцкой ... говорил мне в розговорах, что контайше не противно то будет» [48, с. 141].

Джунгарский правитель изначально не стал отвергать предложенный Россией совместный суверенитет над Верхним Прииртышьем. В ходе одного из раундов русско-джунгарских переговоров в декабре 1719 г. приближенные зайсаны Цэвана-Рабдана поделились с И.Д. Чередовым идеей контайши о позволении ойратским данникам кочевать в бассейне Иртыша в районе Семипалатинской крепости [59, л. 130–130об.]. А в 1721 г. джунгарский дипломатический агент Борокурман высказывал убедительную просьбу своего хунтайджи прекратить стеснения калмыков-улусников в Верхнем Прииртышье: «Того ради дабы великой государь соизволил ... улусником ево кочевать ... по обе стороны Иртыша реки невозбранно» [55, с. XVIII].

Идея condominiuma поддерживалась джунгарской элитой в контексте политики сближения с Российской империей конца 10-х — начала 20-х гг. XVIII в. По большому счету, потенциальное принятие джунгарским контайшой российского подданства являлось ничем иным как своеобразным вариантом временной сделки [55, с. IV], а в восприятии ойратской стороны не означала установления фактического протектората России. Проблема границы в этом контексте позиционировалась джунгарской элитой, соответственно, как необходимость установления временного (удобно-

го джунгарскому хану) условно-разграничительного рубежа или режима функционирования границы (вариантом такого режима как раз и являлся кондоминиум), которые впоследствии могли быть пересмотрены в зависимости от динамики геополитической обстановки в Средней Азии. Однако ухудшение положения Джунгарии в результате джунгаро-цинской войны очень быстро сделало кондоминиум средством манипулирования ойратской элитой со стороны российских дипломатов. Кроме того, имплементация достигнутой предварительной договоренности так и не началась.

Следствием этого стало зарождение в среде региональной элиты идеи о том, что государственные рубежи с Джунгарией в Верхнем Обь-Иртыше должны быть проведены исключительно по линии, удовлетворявшей военно-стратегическим и социально-экономическим целям текущего освоенческого процесса. На это прямо указывал сибирский губернатор А.Л. Плещеев, который не только подчеркнул отсутствие каких бы то ни было территориальных разграничений между Россией и Джунгарией в районах Оми и в Кузнецком уезде, но и напрямую заявил: «и чрез оные волости по Оми реке сухопутной тракт в Томск в Кузнецк и Енисейскую Иркутскую провинции один и ежели по Омь реку быть за ним (хунтайджи. — *Д.Б., Т.С.*), то есть сибирские города от Тобольска тракт сухопутной пресечется кроме водяного» [27, л. 47об.]. Далее в своих рассуждениях А.Л. Плещеев обозначил не только приоритетные контуры линии предполагаемой границы, но и привел систему рациональной ар-

гументации: «надобно границе быть вверх по Иртышу реке по Зайсан озеро а от реки в степь в сторону где калмыки кочуют чтоб дни два или на три для довольства жителей де иртышских крепостей земли было» [27, л. 47об.–48об.].

Результируя, стоит отметить, что картографический и официально-дипломатический политико-географические образы границы не являлись тождественными. Если в официально-дипломатической парадигме акцент делался на достижении оз. Зайсан и декларировании всего Верхнего Прииртышья как российской территории, то в картографической — на создании условной наглядно-графической линии, отвечавшей военно-стратегическим задачам политики в регионе. Фактически российские власти стремились не установить границу по реальным населенным и административным объектам, а очертить своеобразные «пределы освоения» с последующей их легитимацией за счет признания джунгарской стороной. В имперской элите в этот период происходил генезис идеи «искусственности» государственных рубежей — необходимости одностороннего установления государственной границы в соответствии со спецификой реализации выработанной освоенческой программы. Эти обстоятельства в генеральной совокупности детерминировали возникновение феномена «открытой» границы, целенаправленно использовавшегося российским административным корпусом для улучшения стратегического положения государства на юге Западной Сибири и в северных районах Средней Азии.

Библиографический список

1. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. — СПб., 2007.
2. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX — начало XXI в.). — Владивосток, 2011.
3. Дмитриева С.И. Лимнология. — Воронеж, 2008.
4. Королев С.А. Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. — 2002. — №2.
5. Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. — 2000. — №3–4.
6. Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и картографические образы власти в России. — М., 1997.
7. Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX — начало XX в.) // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI в. — Иркутск, 2003.
8. Замятин Д.Н. Моделирование географических образцов. — Смоленск, 1999.
9. История Алтая. — Барнаул, 1995. — Ч. 1.
10. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1990.
11. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. — Новосибирск, 1980.
12. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. — М., 1983.
13. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. — Барнаул, 1974.
14. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. — Барнаул, 1998.
15. Боронин О.В. Двоеданнычество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX в. — Барнаул, 2002.
16. Боронин О.В. Погранично-территориальный вопрос в российско-джунгарских отношениях первой половины XVIII в. : теоретический аспект // Востокведные исследования на Алтае. — Барнаул, 2004. — Вып. 4.
17. Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Уфа, 2007.

18. Старкова Е.В. Проекты создания укрепленных линий в Верхнем Приобье в XVIII в. // Ползуновский альманах. — 2004. — №2.
19. Бородаев В.Б. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.). — Барнаул, 2006.
20. Контев А.В. Изменение российской государственной границы на юге Западной Сибири в первой трети XVIII в. // Наука — Алтайскому краю, 2010 г. — Барнаул, 2010. — Вып. 4.
21. Контев А.В. Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // Сибирский сборник — 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. — СПб., 2011.
22. Контев А.В. Административно-территориальное деление юга Западной Сибири в первой половине XVIII в. по картографическим источникам // Известия Алт. гос. ун-та. — 2013. — №4/1.
23. Соколовский И.Р. Административно-территориальное деление Верхнего Прииртышья в XVII — начале XXI в.: опыт исторического картографирования // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX вв. — Новосибирск, 2011.
24. Бобров Д.С. Алтай на генеральной карте Российской империи из атласа И.К. Кирилова // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятое научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. — Барнаул, 2013.
25. Бобров Д.С. Картографические материалы как инструмент формализации государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории. — Ростов-на-Дону, 2014.
26. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII — начало XX в.). — Барнаул, 2012.
27. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 113 (Зюнгорские дела). — Оп. 1. 1595–1736. — Д. 1.
28. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). — Ф. 113 (Зюнгорские дела). — Оп. 113/1. 1735. — Д. 1.
29. Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII — начале XX в. в связи с формированием русско-китайской границы. — М., 2014.
30. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. — М., 2006.
31. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. — 2001. — №8.
32. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. (1649–1825). — СПб., 1830. — Т. VI.
33. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII в. — Л., 1939.
34. Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. — М., 1965.
35. Российская государственная библиотека (РГБ). Отдел картографии (КГР). — Шифр Ки 66/VII-85.
36. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. — СПб., 1882.
37. Резун Д.Я. Фронтир в изображении «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова 1701 г. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. — Новосибирск, 2002. — Вып. 2.
38. Государственный исторический музей (ГИМ). Отдел картографии. — ГО №3283.
39. РГАДА. — Ф. 248 (Сенат и его учреждения). — Оп. 160. — Д. 16-а.
40. РГАДА. — Ф. 192 (Картографическая библиотека МГАМИД). — Оп. 1. Тобольская губерния. — Д. 34.
41. РГАДА. — Ф. 192. — Оп. 1. Тобольская губерния. — Д. 35.
42. Библиотека Российской Академии наук (БРАН). Отдел рукописей. Основное собрание рукописных карт. — №473.
43. РГАДА. — Ф. 192. — Оп. 1. Тобольская губерния. — Д. 38.
44. РГАДА. — Ф. 192. — Оп. 1. Карты Генеральные Российского государства. — Д. 2.
45. Военная энциклопедия. — СПб., 1912. — Т. 8.
46. РГАДА. — Ф. 271 (Берг-коллегия). — Оп. 3. — Д. 142.
47. Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт. — СПб., 1745.
48. Памятники Сибирской истории XVIII в. — СПб., 1885. — Кн. 2. 1713–1724.
49. РГАДА. — Ф. 248. — Оп. 7. — Кн. 373. — Д. 20.
50. Кушнерик Р.А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII — 50-е гг. XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2006.
51. Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. — Барнаул, 2006.
52. РГАДА. — Ф. 214 (Сибирский приказ). — Оп. 5. — Д. 1008.
53. Бородаев В.Б. Архивные документы 1719–1720 гг. о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости // Роль архивных учреждений в истории Казахстана. — Усть-Каменогорск, 2010.
54. РГАДА. — Ф. 113. — Оп. 1. 1674–1676. — Д. 1.
55. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Работану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 гг. — СПб., 1887.
56. АВПРИ. — Ф. 113. — Оп. 113/1. 1742. — Д. 2.
57. АВПРИ. — Ф. 113. — Оп. 113/1. 1743. — Д. 6.
58. РГАДА. — Ф. 113. — Оп. 1. 1716. — Д. 1.
59. АВПРИ. — Ф. 113. — Оп. 113/1. 1731. — Д. 2.